Евгений Боушев
(www.boushev.ru)

GRIMOIRE

…в некоторых источниках говорится о том, что французское слово «grimoire» означает «колдовская книга». Однако подобный перевод выглядит довольно натянутым и необоснованным. Истоки именования магических текстов гримуарами в другом. «Grimoire» буквально переводится с французского как бестолковщина, неразбериха и неразборчивый почерк. Такое толкование выглядит вполне обоснованным, учитывая тот факт, что гримуары являлись непонятным набором несуразицы для непосвящённого в магию человека. Они были громоздкими, тяжёлыми для понимания книгами. Гримуары намеренно составлялись настолько запутанно и противоречиво, насколько это было необходимо для того, чтобы их не смог понять каждый любопытствующий профан. Зачастую гримуары писались на непонятном либо древнем языке. Проблемы в понимании гримуаров подтверждает распространённая легенда о том, что их мог прочесть только владелец. Впоследствии эта легенда обросла новыми фантастическими слухами, в частности тем, что страницы гримуаров приобретают багряный, обжигающий глаза цвет, когда к ним приближается кто-либо, кроме их владельца; при использовании же гримуаров их хозяином, страницы приобретают белый цвет, а текст становится чёрным, тем самым, гримуары позволяют себя прочитать.

Бесконечное Рождество

Новых историй нет, и в мире их
существует всего четыре.
Первая - это история
об укрепленном городе, который
штурмуют и обороняют герои.
Вторая - это история о
возвращении.
Третья история - это разновидность
второй, рассказ о поиске.
И четвертая история -
рассказ о самоубийстве Бога.

Хорхе Луис Борхес

Давным-давно жил в глухом темном лесу старый мельник с маленькой дочерью. Жил в месте, из которого не было выхода и в которое не было входа. Как они сами туда попали - непонятно, но жили они там с незапамятных времён. Почему мельник - мельник, откуда взялась мельница в лесу, где мать его маленькой дочери и почему оттуда, где они живут, нет выхода - на эти вопросы не мог ответить даже сам мельник. Так и жили они, привыкнув не обращать внимания на маленькие неувязки в кружеве повседневности. Мельник ухаживал за маленьким огородом, ходил за грибами и ягодами, а его дочка играла сама с собой в прятки в разваливающейся мельнице.

Был там ещё кое-кто. В чаще леса на высоком холме с незапамятных времён стоял замок, а в замке жил колдун. Никто его никогда не видел, но мельник с дочерью откуда-то знали, что он очень стар - старше мельницы, старше замка, старше горы, старше ***места***, где все они жили, и, наверное, старше даже этих самых незапамятных времён. Знали они ещё, что носит колдун длинный чёрный плащ, остроконечную шляпу с широкими полями и старую залатанную рабочую рубаху. Колдун жил в своём замке и даже носа не показывал наружу.

Шли годы. Мельник не старел, его дочка не взрослела и всё так же играла сама с собой в прятки, колдуна никто не видел. С незапамятных времен время в этом месте замерло.

Однажды под Рождество, когда всю землю покрыл пушистый снег и продолжал падать, воздух стал удивительно вкусным, а звезды - яркими, когда в кухне на столе уже стояли готовые пироги, мельник подумал: «Каждый год все повторяется. Мы что-то делаем неправильно, и повторению нет конца». Он подозвал дочку и сказал ей:

- Позови колдуна в гости. Скажи, что нам всем лучше держаться вместе сегодня. В этом ***месте*** так одиноко вечерами.

Подойдя к замку колдуна, дочка мельника заметила, что это, пожалуй, единственная постройка здесь, на которой в полной мере отразился ход времени. Стены, сложенные из серых каменных глыб, покрыл мох, башня покосилась, подъёмный мост утонул во рву, а ров высох. Снег падал и таял на вросшей в землю угрюмой громаде.

Колдун сидел у камина в одной из комнат южного крыла замка. Всё вокруг было покрыто пылью, паутиной и терпкой, припорошенной временем печалью.

- Уходи, - сказал он девочке.

- Но ведь вы даже не знаете, что я хотела вам сказать!

- Я всё знаю. Уходи, - он оказался вовсе не старым на вид, безбородым и совсем не злым, а скорее уставшим от всего на свете. Колдун сидел в ветхом кресле перед тускло горящим камином и, не отрываясь, смотрел на огонь серыми глазами без ресниц. Огонь медленно умирал и всё никак не мог умереть по-настоящему.

Дочка мельника подошла совсем близко к камину и поворошила угли кочергой. Длинные искры задрожали над ними, покружились в призрачном танце и пропали в дымоходе.

- Вы не можете знать всё. Мир меняется каждый миг.

Колдун посмотрел на девочку и тяжело вздохнул.

- Этот мир не меняется, и ты это знаешь. Ты - дочка мельника и пришла пригласить меня встретить рождество с тобой и твоим отцом.

Он снова вздохнул, снова уставился на огонь:

- Я не тот, с кем радостно будет встретить Рождество. Я злой, угрюмый и нелюдимый. Я не хочу никого видеть, и никто мне не нужен.

- Но почему вы такой?

- Да потому что я и не могу быть другим. Уходи, - в третий раз произнёс колдун, поднялся с кресла и, подойдя к стоящему у стены столу, принялся листать какую-то свою колдовскую книгу.

Дочка мельника посмотрела на пол. В вековой пыли были чётко отпечатаны все её следы - от двери до камина, и все следы колдуна - четыре свежих отпечатка от кресла к столу.

- Вы хоть иногда встаёте со своего кресла? - спросила она.

- А вот это уже не твоё дело, - ответил колдун.

Девочка пошла прочь из комнаты, но на пороге остановилась и сказала:

- Вы говорите, что всё знаете. Скажите, кем была моя мать?

Колдун по-прежнему стоял у стола.

- У тебя никогда не было матери, - отчётливо произнёс он, глядя в книгу.

Прошел ещё один год. Снег снова падал медленно и беззвучно, звёзды снова мерцали в дуршлаге неба, воздух опьянял настолько, что мельник попросил дочку дышать через влажную тряпку, а пироги, разумеется, снова стояли на столе. В этот раз девочка сама вызвалась сходить в замок.

Она нашла его в круглой комнате в башне. Пол был испещрен следами, повсюду валялись книги. Колдун ходил взад и вперёд, иногда хватал какую-нибудь вещь с полки и либо бросал её в камин, либо на пол. Его длинные волосы тронула седина, но глаза ожили, наполнились черным огнем.

- Ты думаешь, что я изменился за этот год? - с усмешкой спросил колдун. - Я всё так же нелюдим и зол.

- Но ты вовсе не выглядишь злым. И, по-моему, ты изменился, - впервые дочка мельника обратилась к колдуну на «ты».

- Ха-ха-ха-ха-ха! - засмеялся тот. - Неправда! Я не могу и не хочу меняться. Я постоянен, как и всё в этом месте.

Взгляд его метался по стенам, чёрные глаза блестели. Девочка подошла совсем близко и тихо спросила:

- Ты боишься меняться?

Колдун отшатнулся от неё, задел рукой бронзовый подсвечник, и тот полетел на пол. Чёрные глаза метались по лицу девочки. Дочка мельника снова приблизилась к колдуну, и тот закрылся руками. Половина его лица была в тени, на другой половине плясали блики пламени, и от этого взгляд колдуна казался ещё безумней.

- Кто создал это место? - спросила девочка.

- Уходи. Пожалуйста, уходи. Уходи сейчас же! - Колдун дрожал, скорчившись у стены между столом и камином, и кончики его длинных волос начинали закручиваться от жары.

Выйдя из замка, девочка оглянулась. Чёрная холодная глыба заслоняла собой звёзды. Она знала, что колдун сейчас стоит у окна, вдавив лицо в решетку, крепко стиснув подоконник пальцами; блики на стенах, тени, призраки, за спиной горящий камин - не дать остыть, не забывать, не меняться. Она знала, что он смотрит на неё, на лес, на скрытую за деревьями мельницу.

- Ты можешь, - сказала она, глядя в глаза башне. Ты не должен чувствовать себя виноватым. - И, совсем тихо: - Отпусти нас.

Затем повернулась и скрылась в лесу.

Прошёл ещё год. Снег летел на мельницу со всех сторон, воздух можно было есть ложкой, звёзды перемигивались и играли в прятки в тучах. Пироги в этот раз удались на славу. Снова наступила рождественская ночь, но дочка мельника отчего-то не решалась снова идти в лес, к замку.

- Что-то страшное случилось там, - говорила она.

Сколько ни уговаривал мельник девочку, ему пришлось одеться и пойти к колдуну вместе с ней.

Зимний лес застыл, словно в волшебном сне. Луна была похожа на чей-то слепой глаз, изо всех сил пытающийся хоть что-то разобрать в непроглядной темноте. Вдруг снежинки замерли и повисли в воздухе. Ветер исчез. Мельник подумал, что время в этом странном месте совсем остановилось, но тут где-то за спиной глухо ухнула сова.

Они перебрались через осыпающийся ров, прошли по заброшенному парку. Мельник с трудом открыл тяжелые, совсем заржавевшие двери.

Кругом была пыль и пустота. Замок выглядел покинутым много лет назад. Вся ткань превратилась в лохмотья, пищу растащили крысы, многие вещи рассыпались в пыль при первом же прикосновении. Колдуна нигде не было, лишь в каминах темнели покрытые паутиной горки пепла - всё, что осталось от колдовских книг.

- Где он? - спросил мельник.

- Не знаю, - ответила девочка.

Они вернулись в комнату, где дочка мельника впервые встретилась с колдуном. Там было больше всего пыли, а в камине - больше всего пепла.

- Его нигде нет, - сказал мельник. - Совсем нигде.

Дочка мельника подошла к окну. Как и колдун когда-то, прижалась к решётке, но не изо всех сил, а лишь слегка прикоснувшись к прутьям. Мельник стоял посреди комнаты и озирался по сторонам. Вдруг на одном из столов у себя за спиной он увидел покрытый пылью конверт. Мельник повернулся к дочери:

- По-моему, он оставил тебе письмо.

- Дай мне его, - сказала девочка.

Мельник потянулся за письмом, но увидел лишь пустые столы, покрытые толстым слоем пыли.

- Показалось, - пробормотал он.

Дочка мельника всё так же стояла у тёмного окна и смотрела на освещённый луной лес. Ей казалось, что ещё чуть-чуть, и она поймёт всё, что произошло в этом месте, всё от начала до конца. Девочка уже чувствовала у себя за спиной длинную сухую фигуру колдуна, слышала треск бумаги в камине, снова наблюдала за причудливой игрой тени и света

Мельник постоял ещё немного, глядя на пустые столы, затем повернулся и зашагал к выходу из комнаты. Обернувшись на пороге, он увидел, что его дочка всё так же стоит у тёмного окна.

- Пойдём домой, - позвал он её. - Что-то случилось?

- Нет, ничего, - ответила девочка. - Снег пошёл.

Через несколько дней мельник понял, что, если он не начнёт бриться, его седая борода скоро достанет до груди.

Шли годы. Мельник старел, а его дочь из угловатого маленького ребенка превратилась в настоящую красавицу. Однажды весной она ушла собирать ягоды, оставив отца сидеть на крыльце и плести корзины из прутьев. Старик ждал её весь день и всю ночь, а утром на непослушных ногах заковылял в лес, но скоро понял, что если зайдет слишком далеко, то не сможет вернуться обратно. Кусая губы, мельник добрёл до дома, упал на землю у крыльца и заплакал.

С тех пор мельник сидел тоскливыми вечерами на жарко натопленной кухне, считал жемчужины звёзд на запотевшем кусочке неба в окне, пёк на Рождество замечательные пироги с земляникой, и до самой смерти пытался убедить себя в том, что его дочка вышла из того странного места, где они жили с незапамятных времён, встретила достойного её молодого парня, и они поженились. Он пытался поверить в то, что живут они совсем рядом, в одной из маленьких деревушек за лесом, и обязательно как-нибудь заглянут к нему на Рождество, чтобы попросить его стать крестником для маленького сына.

- Да, - часто говорил он сам себе, пока однажды утром его сердце не перестало биться, когда он пытался встать с кровати. - Они обязательно придут, ведь не забыли же они про меня, в конце концов. Они придут сюда, как только подрастёт сын. А может, я как-нибудь сам навещу их, если позволит здоровье…

- Ведь это же рядом, - всякий раз говорил старик, засыпая, пока однажды не свалился на пол, как брошенная кем-то кукла, уткнувшись лбом в свои старые ботинки, - На юг или юго-восток. А, может, и на юго-запад - ведь это же совсем рядом, нужно только перейти через лес и реку. Перейти… К весне… За лесом…

И, коротко всхлипнув несколько раз, погружался в беспокойный старческий сон.

Перейти реку

- Вам часто снятся сны?
- Иногда, - ответил полковник, сконфуженный тем, что уснул. – Я почти всегда вижу, что меня опутывает паутина.
- А у меня что ни ночь, то кошмары, - сказала женщина. – Хотела бы я знать, кто все эти люди, которых я вижу во сне.

Габриэль Гарсиа Маркес

Над водой клубился туман. Деревня еще спала, лишь в крайнем дворе завывала собака - то ли жалуясь на свою простую жизнь, то ли во сне. Петрович спустился к реке и вышел на мостик. Утренний холод проник под ватник, схватил за бока колючими лапами, но, не добившись никаких результатов, разочарованно выполз обратно.

Петрович присел, зачерпнул рукой прозрачную ледяную воду и плеснул на лицо. Сон мигом исчез. Старик выпрямился, приставил ладонь к глазам и посмотрел на другой берег. Там глухой черной стеной вставал лес, над которым висел бледный серп луны.

Давным-давно в самой чаще леса стояла мельница. Никто, кроме Петровича об этом не знал, а он и не собирался рассказывать. На то были свои причины. Сначала нужно было вспомнить все самому, все до конца, и лишь потом делиться с другими. Давным-давно в чаще леса стояла мельница... стояла мельница... Почему - в чаще? И когда было это "давным-давно"? Петрович не помнил ответов. Он лишь знал, что там, в лесу, раньше был еще кто-то. Кто-то, знавший правду.

Старик все стоял, глядя вдаль. Небо постепенно наливалось багрянцем, окрашивая траву, кусты и утренний воздух в теплые радостные цвета. Лес оставался все таким же темным. Давным-давно...но память не пробуждалась, лишь заныло сердце.

Туман рассеялся, и оказалось, что пространство между берегом и лесом покрывает полусухое болото, сплошь покрытое мелкими кочками. В сплетении веток на краю леса чувствовалось нечто живое. Казалось, кто-то смотрит на Петровича из темной громады, смотрит равнодушно и тоскливо.

В лесу стояла мельница. На мельницах обязан быть мельник, разве не так? Мельник...и еще был кто-то. Кто-то, кто знал, знал все с самого начала.

Месяц побледнел и вскоре исчез, уступив место розовому диску солнца. Стали слышны птичьи голоса, подул легкий ветерок, ожививший кусты у реки. Воздух прогрелся, и по спине Петровича, под ватником, поползли капли пота. Деревня тоже просыпалась: слышалось хлопанье калиток, кудахтанье, невнятные разговоры и еще множество знакомых звуков. Петрович вздохнул, оглянулся назад и полез в воду.

Река обожгла его холодом, впрочем, Петрович быстро справился с ним. Натянутые по грудь болотные штаны, сжав тело ледяным капканом, словно стали второй кожей. Старик чувствовал, как его огибает течение, как вода, обходя преграду, закручивается водоворотами. Он шел по обломкам моста, стоявшего здесь в незапамятные времена.

Может, "давным-давно" - это и были эти незапамятные времена? Нет, не так. Там, на мельнице в лесу, было еще что-то, из-за чего о времени можно было говорить только с одним смыслом. Там, в глухой чаще...Давным-давно...

Старик молча пробирался на другой берег. Он шел за ответами. Он больше не мог ждать.

Позавтракав, Дима взял вилы и вышел на улицу. Мельком глянул на дом Петровича - там было темно.

На гумне, как всегда бывало по утрам, собралась почти вся мужская часть деревни. В это время составляли планы на день, делились новостями, обсуждали ночные события.

- А Петрович-то снова ушел, - сказал Дима. - Что это с ним?

- Не знаю, брат, - ответил сосед. - Он у нас вообще человек странный. Появился невесть откуда, сам говорит, что не помнит. Повадился вот в лес ходить, за реку - зачем, одному Богу известно. Пропадет - попробуй найди его там.

- А что там, за рекой, дядь Семен? Сами там были?

- Никто из наших туда не ходит. Грибов там нет, ягод нет, вообще ничего нет. Одни болота кругом. Злое там место, нехорошее. Но ты Петровича не трогай - мало ли чего человеку нужно. Мужик он деловой, мастеровитый, не пьет почти. Со странностями, это верно. Но говорят ведь: чужая душа - потемки.

Старик шел по высохшему болоту. Солнце поднялось уже высоко и, хотя грело в полную силу, лес впереди оставался таким же темным и холодным. У него есть на то причины, подумал Петрович - там хранятся тайны. Тайны...и еще есть тот, кто поможет все понять. Старик не решался признаться себе, кого он ожидает увидеть в лесу. Он тяжело ступал, поднимая коричневую пыль, окруженный мелкими мошками, как глиняный Голем, потерявший всякое представление о том, куда идет. С каждым шагом в памяти открывалась очередная дверь, и Петрович с тоской подумал, как глубоко он спрятал самого себя. Старик шел,

пытаясь хотя бы мысленно вернуться в прошлое, в место, где когда-то все было иначе. Давным-давно, в памяти, в глухой чаще леса, в месте, где с незапамятных времен стояла старая мельница, жил-был...

- Дядь Семен, а как зовут Петровича?

- Э-э-э, брат, так ты и этого не знаешь? Петровичем его зовут. А больше никак. Он ведь и имени своего не помнит. Появился как-то утром на краю села с котомкой, бородища вот такущая седая, идет и плачет. Ну, поселили его в Ефросиньину избу - она к тому времени уже год как померла. Так он спать не мог поначалу. Сколько не иду ночью - гляжу, сидит на крыльце и все на звезды смотрит. Нет, что ни говори, а тяжело у человека на душе.

- Может, он убил кого?

- Типун тебе на язык! Убить может только Бог, пусть и человечьими руками. Грех-то, конечно, на человека ляжет, на смертного. Помрет - грех искупит. А бессмертному - как искупить?

- Странные ты вещи говоришь, дядь Семен. Выходит, человек живет безвольно, а бог знай крутит им, как хочет?

- Выходит, так. Есть, правда еще кое-что. Можно убить Бога в себе - но тогда тяжело будет.

- Грех на себя возьмешь?

- Нет, свободным станешь. А свобода - это всегда одиночество.

Старик устал. Он шел уже много часов, но лес не становился ближе. По спине Петровича градом катился пот, майка промокла до нитки, с волос капало. Вокруг стояла глухая тишина, лишь шуршала пыль под ногами, да слышалось тяжелое петровичево дыхание.

Старик остановился, вытер со лба пот и снял ватник. Лес все так же угрюмо маячил вдали, черной стеной заслоняя небо. Петрович накрыл ватником кочку и сел. Глаза его слипались, все сильней наваливалась дрема. Петрович смотрел на траву вокруг, на лес, на кочки, и вдруг все смазалось, поплыло и провалилось куда-то в небо.

Давным-давно, в глухом темном лесу, в самой его чаще стояла мельница. Жил там старик с маленькой дочерью, и из места, где они жили, не было выхода. Время в этом месте остановилось в незапамятные времена, и поэтому мельник не старел, его дочка не росла, а дни на мельнице тянулись похожие друг на друга, как две крупинки муки... Во сне старик вспомнил все. Он шел по темному лесу, забираясь все глубже и глубже в чащу, перебираясь через гнилые стволы и наклоняясь под низко растущими ветвями.

Вскоре за деревьями замаячило что-то серое. Старик прошел еще немного, и увидел мельницу, покосившуюся и вросшую в землю. Стены заросли мхом, под крышей было полно птичьих гнезд. Некоторые камни раскололись от старости и выпали, а дверь криво висела на одной петле.

Старик обошел мельницу и увидел бога.

Он тоже сидел здесь давно. Туловище покрылось трещинами, одна рука вросла в гнилой пень, а на месте левого глаза зияла дыра. Краска осыпалась, ноги превратились в труху, голова раскололась пополам, а во взгляде ни осталось ничего - ни божеского, ни человеческого, ни просто живого. Мертвый бог сидел, уставившись в землю единственным мертвым глазом.

Старик остановился, пораженный, и долго глядел на бога. Несколько долгих минут они оба были неподвижны. Затем старик повернулся и пошел прочь.

Петрович проснулся с криком. Дрожащими руками вытер лоб, нахмурился. Что ему снилось? Что-то очень важное, ответ на мучивший его вопрос... Он выпрямился, надел на мокрую рубашку ватник и пошел назад. Надо было возвращаться - начинало темнеть.

Сосед зашел к Диме в начале вечера. Парень сидел на крыльце, накинув на плечи в старую куртку, и смотрел на лес за рекой. Уже почти стемнело.

- Не волнуйся, брат. Придет наш Петрович, никуда не денется. Каждый раз ведь так - только солнышко зайдет, глядишь, он из-за горки и покажется.

- Правда?

- Ну конечно. А вот и он. Ну, ступай спать, завтра работать надо.

- Спокойной ночи, дядь Семен, - Дима скрылся за дверью.

- Спокойной ночи.

Семен приставил ладонь к глазам и посмотрел поверх головы поднимающегося на горку Петровича. Посмотрел на другой берег, отделенный серебряной лентой реки отчетливее любой границы. Там глухой черной стеной вставал лес, над которым висел бледный серп луны.

Деревня уснула. Успокоились последние гуляки, задремали злобные сторожевые псы, забылись беспокойным сном старики и старухи. Ни проблеска света, ни звука, ни дуновения ветра - и над всем этим ночным великолепием распростер крылья самый древний, самый неумолимый и незаметный враг человека - время. А в крайнем домике, ветхой маленькой лачуге, укрывшись дырявым одеялом, спасаясь как за крепостными стенами, за хрупкими гранями своего разума, тихонько похрапывал Петрович.

Ему ничего не снилось.

На другом берегу

...И я уйду. А птица будет петь,
как пела,
И будет сад, и дерево в саду,
И мой колодец белый.
На склоне дня, прозрачен и
спокоен,
Замрет закат, и вспомнят про меня
Колокола окрестных колоколен.

Хуан Рамон Хименес

Хирург сказал:

- Умер.

Сестра, протягивавшая ему зажим, на миг перестала дышать, и положила его, не глядя, куда-то мимо стерильной марли.

Врач снял перчатки и маску, вытер рукой потный лоб. Огляделся устало - мужчина на столе лежал неподвижно, как и все время операции. Аппарат искусственного дыхания безразлично продолжал нагнетать воздух в неработающие легкие.

В угасающий мозг еще поступали какие-то сигналы. Мужчина слышал слова врача, стук железа о столик для инструментов, сквозь закрытые глаза чувствовал свет мощных ламп. Он хотел вздохнуть полной грудью, в последний раз, но что-то потянуло его прочь со стола, и сквозь закрытое окно бросило в ледяную пропасть февральской метели.

Холода он не почувствовал. Посмотрел на свое тело, и оказалось, что одет он в черные брюки из плотной ткани старинного покроя, залатанную рабочую рубаху и длинный черный плащ. На голове вдруг оказалась остроконечная шляпа с черными полями. Мертвый совсем не удивился всему этому – лишь небьющееся сердце, словно вспомнив что-то свое, отозвалось глухой болью.

Его все тащило вперед, через спящий город, вверх к холодным звездам, мимо седых спокойных облаков, темных коробок многоэтажек, сквозь метель и тускло освещенные ночными фонарями улицы. Внизу ослепительно и волшебно искрился снег, тихо полыхая голубыми отсветами.

- Стоп, - сказал он сам себе, и все вокруг послушно остановилось.

Снег замер в воздухе, свет фонарей превратился в желтые тусклые кляксы и уже ничего не освещал. Воздух вдруг стал упругим, плотным и запах хвоей.

- *Смотри*, - сказал кто-то.

Впереди лежала занесенная снегом деревня. За ней темной глухой стеной поднимался лес, а посередине блестящей серебряной

полосой протянулась река, покрытая льдом.

Мертвый дернулся, рванулся вверх, но что-то медленно и неудержимо тянуло его к этим маленьким спящим домикам. Воздух престал держать тело, и, судорожно извиваясь, он полетел вниз и провалился в снег. Больно не было, просто по телу пробежали мурашки, а мир перед глазами заменила белая пыль. Он рванулся вверх и выбрался из сугроба.

Оказалось совсем несложным - идти по замерзшей снежной корке, не проваливаясь. Вот только идти получалось только в одну сторону - как только он пытался повернуть прочь от деревни, наст начинал проламываться, мир вокруг - мутнеть и искажаться, а ветер – швырять снег в глаза. Шаг, другой - он смирился и пошел, уже зная откуда-то единственное верное направление.

Снег еле слышно хрустел под ногами. Он шел босиком.

В крайнем домике, - маленькой покосившейся лачуге, горела лампа. За столом сидел бородатый седой старик и раскрытой ладонью водил по пустому столу. На его морщинистом лице блестели слезы.

Мертвый все еще ничего не понимал, лишь сердце отзывалось на каждую новую картинку глухой болью, да спина все так же чувствовала холод операционного стола под собой. Почему-то все это: и деревня, и старик, и босые ноги по тонкому насту, и плащ с этой несуразной старой рубахой - все казалось знакомым, но давно забытым.

Старик все сидел молча, и монотонно, механически, одинаково и спокойно водил рукой по столу. Вдруг его взгляд метнулся к окну, вверх, к звездам - и, не увидев своего ночного гостя, он уронил голову на стол, зарылся пальцами в седые волосы и заплакал навзрыд. Неудержимо и беспомощно, как умеют плакать только дети и старики.

Он так и сидит с тех пор. Все время, каждую ночь, что бы ты ни придумывал.

Мертвый открыл дверь, прошел внутрь, и вдруг на разворошенной постели в соседней комнате увидел того же старика. Он спал, завернувшись в дырявое одеяло. Изо рта толчками выходил пар, и борода старика покрылась инеем.

Мертвый не удивился. Теперь он понял, что видит, почему и когда его занесло в это место. В это давно забытое ***место***, где было так одиноко вечерами. Колдун поправил шляпу и неслышно вышел. Впрочем, шум тут не играл никакой роли - он не властен был изменить ничего в этом застывшем, брошенном мире.

Он перешел реку по льду, спустился в овраг и поднялся наверх, постепенно приближаясь к лесу. Давным-давно, в незапамятно святые времена, он придумал лес и замок в нем. В замке был камин, а возле камина стояло кресло. И он боялся встать с кресла больше всего на свете - что бы это ни значило.

А ведь когда-то все имело смысл.

Не выдумывай. Никогда ты не понимал всего этого полностью. Иначе бы всего этого не забыл.

Колдун подошел к лесу, занесенному снегом. Лес казался мертвым. Он поднимался впереди глухой черной стеной, а сверху над ним висел бледный серп луны.

Ты знаешь, куда идти.

Он знал. Единственная тропинка, начинающаяся у его ног, вела на мельницу. В лесу не могло быть мельницы - она появилась только из-за его прихоти, из-за страха оставаться одному. Тропинка за его спиной быстро и невозмутимо зарастала вековыми деревьями. Снег тихо искрился на темных соснах. Колдун шел. Колдун шел. Колдун шел босыми ногами по снегу, не чувствуя холода. Вспомнить никак не получалось, но кто-то внутри словно нашептывал ему старую забытую сказку, и с каждым словом становилось все тоскливее.

...Как они сами туда попали - непонятно, но жили они там с незапамятных времен.

Грудь изнутри выжгло холодом, который не имел ничего общего с холодом снаружи. В уютном домике возле развалившейся мельницы, на жарко натопленной кухне, под усыпанным звездами небом мельник доставал из печи пироги с земляникой, с румяной поджаристой корочкой и ставил на стол. Доставал, улыбаясь в седую бороду, довольно щурясь, и ставил на стол, забитый пирогами с земляникой. Ставил, не замечая забытых минуту назад пирогов с поджаристой золотой коркой, и они падали вниз, на пол. Но и там уже не оставалось места - а мельник все подкидывал дрова в печку, замешивал тесто, открывал и закрывал печную заслонку... В соседней комнате, на полу возле кровати, мертвый мельник лежал лицом вниз на старых ботинках и смотрел прямо перед собой живыми глазами. На крыльце избушки мельник плел корзины из прутьев, монотонно, одну за одной, и все время смотрел в лес, вглядываясь в путаницу веток слезящимися глазами.

Ты ушел, чтобы они смогли измениться. Они остались такими, какими ты их придумал, чтобы ты смог уйти.

Жуткий смех совы в чаще. Я не должен винить себя.

Ты не можешь винить себя. Но разве они могли стать кем-то еще?

Колдун обошел вокруг мельницы, которая оказалось всего лишь грубо сколоченной из досок декорацией. Стены, на которых были намалеваны замшелые камни, подпирали небрежно отесанные бревна. За мельницей не было снега, наверху под металлическими полукруглыми сводами светилась неяркая лампочка, тут и там валялся строительный мусор, окурки, пустые консервные банки, а на утоптанном пятачке земли на деревянных чурбаках сидели ангел и черт. Их разделял сколоченный из деревянных ящиков стол. Они играли в карты.

Черт был так себе - обычный сухощавый крестьянский мужичонка в сером ватнике и валенках. Шапку он положил на стол, ватник расстегнул, и держал перед собой карты заскорузлыми грязными пальцами. Ангел был молод и пьян. Он смотрел на колдуна мутными глазами, молчал, и то и дело прикладывался к бутылке, стоявшей на столе. Крылья у него были большими и белыми, а там, где концы их подметали землю - грязно-рыжими.

- Гляди-ка, пришел. - Черт бросил карты в шапку, повернулся к колдуну, посмотрел на ангела через плечо - Проспорил я тебе двадцать душ. Только ты их мне и так позавчера проиграл.

- А как же… - начал колдун. Ангел дернулся и присосался к бутылке.

- Погоди, - сказал черт. - Скажи лучше, какого дья... Зачем ты это сделал?

...Его нигде нет. Совсем нигде.

- Неужели ты думаешь, что теперь что-нибудь изменится?

И вдруг колдун вспомнил, увидел все пронзительно и отчетливо. Вот он летит из окна вниз, рядом осколки стекла и капельки крови. Стремительно приближается земля, удар - и темнота.

Колдун закричал. Колдун рванул на себе рубаху, вспоминая про разорванные сухожилия, разбитую грудь, сломанные ребра.

- Ну-ну, - протянул черт, забирая полупустую бутылку у ангела, - успокойся. Это тебе не кино.

Ангел плакал. Колдун удивленно смотрел на свою грудь и руки - без шрамов и без ран.

- А ты не реви, - повернулся к ангелу черт в ватнике. - Разве не привык еще?

Он кивком указал на колдуна, который кутался в плащ, пытаясь спастись от холода внутри:

- Он же убивает себя в каждом своем рассказе. Чем, по-твоему, все должно было закончиться?

Я знаю, о чем ты думаешь. Самоубийство Бога не приведет к исчезновению Бога. Убийство Бога в себе не приведет к свободе. Ты можешь закрывать на это глаза – но те, кого ты придумал однажды, никуда не денутся из твоей головы. Ты в ответе за них. Они – это ты, забывший сам себя.

- Ты ушел - а птицы остались петь. – Сказал черт. - Птицы, которые помогли тебе когда-то не сойти с ума.

Колдун молчал, разглядывая деревянные камни.

- А теперь, - сказал черт, - я верну тебе последний кусочек памяти.

Он махнул ушанкой, и в лесу ухнула сова. Пошел снег, а мельник на крыльце заметался, закричал и побежал в лес, царапаясь о кусты.

И колдун вспомнил. И колдун - только теперь! - увидел ее.

Дочка мельника в легком платье кружилась возле мельницы, протянув руки к снежинкам. Вот она - сидит на стуле в кухне, держит в руках большой кусок пирога с земляникой и кружку с липовым отваром; идет по дорожке прочь от домика, делая шаг за шагом, и не двигаясь с места; качается на качелях, и, - колдун знал это - стоит в подвенечном платье на краю леса и смотрит в черную пустоту перед собой. Там впереди нет ничего - ни леса, ни реки, ни земли. Из странного леса с замком и мельницей есть выход - но ведет он в никуда.

Ты думал, она ушла. Куда ей было идти? Как она могла уйти, если у нее никогда не было матери?

Все девочки были ненастоящими - маленькими и призрачными. Сквозь них просвечивали ветви деревьев, и зыбкие контуры тел колыхались от слабого ветерка.

Колдун повернулся и бросился бегом сквозь лес.

Замок застыл, как и все в этом месте. Разваливающиеся стены, расколотая кладка и осыпавшаяся черепица. Восточная башня начала падать, да так и застыла, летящая к земле - невозможно накренившись, с замершими в воздухе каменными глыбами.

Девочка стояла у окна и смотрела на лес. Как и колдун когда-то, прижалась к решётке, но не изо всех сил, а лишь слегка прикоснувшись к прутьям. Она смотрела в глаза колдуну, стоявшему под башней, а колдун смотрел на нее.

Она уже давно все поняла. И теперь нет никакого смысла отходить от этого окна и делать что-то еще. Нет вообще никакого смысла - ни для чего. Как она могла измениться, если ты не придумал для нее ничего, кроме этого не по росту большого подвенечного платья? Как она могла куда-то уйти, если за лесом для нее нет никакой деревни?

Мельник смотрел на дочку и не видел ее. Для него она была далеко, растила детей и ухаживала за мужем. Девочка видела своего отца мертвым, лежащим лицом на ботинках. Петрович получил иллюзию свободы - и плачет теперь ночами в деревне, среди таких же бесконечно свободных и невыразимо одиноких призраков.

Мертвые не приходят. Ушедшие не возвращаются назад. Прошлое не повторяется. Будущего еще нет. И лишь в воспоминаниях время вечно.

И колдун, наконец, ощутил ужасный холод, увидел свои ноги, обожженные холодом до черноты, почувствовал ледяные иглы в груди и закричал от страха и боли. Как можно жить, если сердце не бьется?

Он упал на снег, свернувшись в комок, пытаясь задушить рвущийся крик, заглушить боль. Как можно идти куда-то, если сердце сгорело в камине?

Глаза заволакивало пеленой, руки и ноги не слушались. Болело все внутри - сердце, грудь, отбитые и заполненные кровью легкие. Болели отмороженные ноги, разодранное лицо. Девочка вдруг оказалась совсем рядом, в нескольких метрах, и смотрела на колдуна не по-детски серьезно.

Ног нет. Ноги ушли, я их не чувствую.
Бог – это любовь.
…Что-то страшное случилось там.
Свобода - это всегда одиночество.
…Временами к нему приходила зима.
Я буду надеяться - мне так легче...
Для Хенаро это Икстлан, для тебя это будет Лос-Анджелес, для меня...
Птица будет петь…
Внутри.

И колдун закричал. Ветер, медленно набиравший силу все это время, вдруг превратился в настоящую бурю, задул яростно и жестоко. Со всех сторон полетел густой снег, мир сжался в маленький клубок. Колдун снова закричал, так, чтобы мельник на крыльце услышал и понял его. Старик взглянул перед собой, глаза его широко раскрылись - он увидел девочку возле замка, побежал к ней, но, запнувшись за первую же кочку, упал и разбил о камень голову.

Крылья мельницы скрипнули, подались, зашевелились.

Колдун, собрав последние силы, пополз по снегу к девочке. Та молчала и смотрела все так же серьезно, отступая назад шаг за шагом. Глаза колдуна закрывались, он уже не слышал рева метели и жуткого смеха совы в лесу.

Мельница крутилась, скрипя и грохоча.

Где-то далеко, в городе, на операционном столе, в больнице, пациент умер, не приходя в сознание.

Колдун уронил голову на руки и закрыл глаза. Боль отступила, а холодное тело начало коченеть. Тогда он встал, уже окончательно мертвый, и подошел к девочке. Снял с себя шляпу и одел ей на голову.

Они стояли и смотрели друг другу в глаза. Ветер швырял в лицо снег, из леса вылетел филин и уселся черту на плечо; ангел допил бутылку, протрезвел и сотворил еще одну. Разваливался на части замок, грохотала и тряслась бутафорская мельница, а колдун все пытался поймать в призрачных глазах смутно знакомый сероватый отсвет. Метель бушевала...

И была одна секунда - длинная, как вечность, неизменная, как бессмертный белый понедельник, горькая, как холодная река времени на границе бытия. Он знал в эту секунду, что на него смотрят глаза мельника, глаза девочки, его собственные, всепонимающие и всепрощающие глаза. Знал, что время несется по пустым заснеженным полям стремительным зайцем - скачет зигзагами, оставляя на

искрящемся голубом пространстве запутанные и невнятные следы; мышью скребется под столом в жарко натопленной кухне; висит в застывшем воздухе душным запахом земляники; горит, не сгорая в потухшем камине. У человека на операционном столе снова заработало и тут же остановилось сердце. Забилось. Замерло. Забилось. Замерло. ...И еще он слышал песню, смутно знакомую, но очень далекую, почти неразличимую за гулом метели:

- Но мы проснемся на другом берегу,
  Но мы проснемся на другом берегу,
  Но мы очнемся на другом берегу,
  И, может быть, вспомним...

Лариса Королева.
Расшифровывая гримуары.

Идея вечного возвращения загадочна, и Ницше поверг
ею в замешательство прочих философов: представить
только, что когда-нибудь повторится все пережитое
нами и что само повторение станет повторяться до
бесконечности!
Что хочет поведать нам этот безумный миф?
Милан Кундера "Невыносимая легкость бытия"

"Колдовская книга" или "Гримуар"(Grimoire) Евгения Боушева - книга, написанная прежде всего для самого себя. Каждому из нас знакомо ощущение спутанности мыслей, когда множество идей одновременно пребывает в одной точке разума и кажется, что еще мгновение - и наступит долгожданный миг понимания. Е. Боушев, с его обостренным чувством так называемой "бытовой мистики" и превосходным даром рассказчика не мог не выразить на бумаге обуревавшие его мысли. Но просветления нет, и оттого книга не имеет четкой концовки. Это, да еще плавающий стиль и большое количество недосказанности - главные аргументы противников произведения.

Но давайте разберемся по порядку. Во-первых, в аннотации к книге автор прямо указывает на параллель между контекстом и текстами средневековых гримуаров, которые были намеренно запутаны и непонятны. Во-вторых, стоит вспомнить неопубликованные и оттого неизвестные широкой публике дневники Евгения Михайловича, в которых встречается фраза "Самокопание, равно как и самотрепанация и всякое самопрепарирование СЕБЯ - вещь болезненная и в высшей степени интимная - получившийся в результате скелет мы с ужасом запихиваем в самый глубокий шкаф и запираем дверцы на ключ." "Колдовская книга" (будем все-таки называть ее так) - не автобиографическое произведение, но произведение межтекстовое. В нем присутствуют намеки разной степени прозрачности на все предыдущие тексты автора. Значит, в какой-то степени это произведение отображает весь накопленный жизненный опыт автора, его нынешнее творческое

"я". Если сравнить первые страницы книги с подготовкой операционного поля, а кульминацию - с первым разрезом, становится ясно, почему автор в финале отступает в тень и предоставляет делать выводы нам самим. Да и то - лишь тем из нас, кто понял иносказательность книги.

В третьих, намеки в книге расположены по нарастающей и становятся понятны только в следующей главе. В итоге, окончательное понимание текста наступает после второго-третьего прочтения. Текст воспринимается весь одновременно, и сюжет, как древний змей Уроборос, свивается в кольцо, вцепившись в собственный хвост. Потому что - откроем вам тайну - все описанные в книге события происходят в течение часа.

Итак, спросит непонимающий читатель, о чем же книга? И почему книгой называются три рассказика по страничке каждый? Начинаем отвечать по порядку.

В соавторстве с Е. Боушевым нам удалось вскрыть следующие смысловые слои, или темы, в контексте:

Тема творчества

Тема вечного невозвращения

Тема любви

Тема свободы

Далее мы попытаемся проанализировать текст книги в соответствии с выбранными темами.

Первая глава вначале выглядит совершенно обычной - волшебный лес, волшебная мельница, колдун в замке. Несмотря на нетрадиционные сказочные приемы - невозможность выйти из леса, застывшее время и прочее, текст выглядит как старая детская сказка. С одним отличием - здесь нет разгадок и морали - одни загадки и слабая, едва различимая горечь. Да еще несколько мест, от которых у читателя пробегает холодок по спине - так неожиданно его выдергивают из сказочной атмосферы в пугающую неизвестность.

- Вы говорите, что знаете все. Скажите тогда, кем была моя мать?

- У тебя никогда не было матери, - отчетливо произнес колдун, глядя в книгу.

Эти загадки оставляют нас в недоумении, и ответы на них

начинают появляться лишь в других главах. Вернемся к ним позже.

Вот, наконец, ситуация становится более ясной - именно колдун виновен в том, что из леса нет выхода и время стоит. Почему он сделал так?

Да потому что колдун боится меняться. Он боится стать другим, изменить своим нынешним идеалам. Он застрял в этой сказке, разрушает ее, делает слишком взрослой и заставляет остальных испытывать боль. "Отпусти нас", просит дочка мельника. И колдун исчезает навсегда. Куда? На этот вопрос пока нет ответа, кроме реплики девочки: "Что-то страшное случилось там". Совершенно кстати вспоминается и эпиграф к первой главе - "и четвертая история - это рассказ о самоубийстве бога"...

Это самоотвод автора, а если вспомнить заключительную главу ("бог-это любовь"), то это еще и отказ от слепой неразделенной любви. Так ли непонятен текст теперь?

И еще одно. Колдовская книга, сожженная Колдуном в камине и текст, читаемый нами - не одно ли и то же? А письмо, которое видит и не видит на столе мельник - не зачеркнутая ли вовремя строчка в черновике автора?

Глава вторая. Ключевой частью эпиграфа следует считать фразу "хотела бы я знать, кто все те люди, которых я вижу во сне". Стоит также задуматься, отчего все приведенные цитаты относятся к одному периоду латиноамериканской литературы. Мы считаем, что это отсылка к столь любимому латиносами "магическому реализму" и его особым временным законам, согласно которым все описанное происходит одновременно.

Петрович, в прошлом бывший мертвым мельником, живет в безвестной деревушке за таинственной серебристой рекой. Стоп, говорим себе мы. Как так - живет? Мельник умер в первой главе!

Отсюда вывод - так живет мельник после смерти.

Река в древней мифологии всегда была границей между миром живых и мертвых. А таинственный лес, в который все пытается вернуться Петрович, это место его жизни, "реальный" для него мир. Вернуться невозможно, вспомнить свою смерть - тоже (еще одна параллель с мифологией). Все, что доступно заблудшей душе мельника - это увидеть иносказательный сон про некоего Бога, который оказался трухлявым деревянным

идолом. Давайте попробуем разобраться, почему?

Из всех обитателей таинственного леса в первой главе только двое тяготились неизменностью происходящего. Только двое знали, отчего все именно так, а не иначе. Колдун и девочка. Мельник, хоть и удивлялся застывшему времени, хоть и попросил дочку сходить к замку, был вполне доволен своей жизнью. Смотрелся вполне органично, если можно так выразиться. Вспомним, что он так и не ушел никуда от мельницы, даже когда обрел свободу.

Мельник чувствовал несомненную связь между Колдуном и девочкой. Но причину ее видел в другом. Вместо дочери, ставшей причиной разрушения его мира и колдуна, явившегося движущей силой этого разрушения, он смог увидеть лишь безымянного идола, не имеющего никакой власти. Мельник хотел вернуться - но мир, в который он собирался вернуться, умер.

Иносказательно об этом говорится в диалоге двух жителей деревни:

- Можно убить бога внутри себя. Но это тяжело.
- Почему?
- Свободным станешь. А свобода - это всегда одиночество.

«Мельник убил бога и остался один». Что это значит?

Убить может только бог, пусть и человечьими руками. Так говорят те же герои немного раньше. Получается - мельник убил бога руками бога? Звучит абсурдно, если бы не эпиграф к первой главе:

"...рассказ о самоубийстве бога".

Вот так. Цена свободы – убийство тюремщика. Цена внутренней свободы – …

Третья глава. Колдун - это мертвый писатель на операционном столе. Он покончил жизнь самоубийством и оказался в той же деревушке за серебристой речкой, где и Петрович. Что предстало перед его глазами? Однообразные, механические движения, люди-куклы, люди-автоматы. Лишенные разума и воли, выполняющие уже никому не нужную программу. Непонятный голос в голове, ведущий колдуна вдаль,

за реку, к разрушенной мельнице. Почему к мельнице? Разве это не дорога в реальный мир? И только сейчас читатель понимает, или, по крайней мере, чувствует, что за место в лесу создал колдун. Колдун в широкополой шляпе - это писатель. Отречемся от образа самого Боушева в этой книге, это вопрос спорный. Итак, колдун - писатель. Писатель создает книги и героев. Колдун создает лес и мельника с дочкой. Выходит - где находится таинственная мельница и лес, из которого нет выхода? В голове, в памяти, в воображении писателя - выбирайте, что вам ближе. Одним словом, все происходящее в книге происходит в сознании писателя. В сознании автора. Естественно, он знает о том, что мельница в лесу - абсурд. Разумеется, у дочки мельника не было матери. И уж конечно, никакого деревянного бога возле бутафорской мельницы автор обнаружить не может. Вместо него - ангел и бес. Два полюса авторской души. И вместе с ними таинственный голос изнутри. Голос настоящего, внутреннего бога, имя которому уже дано.

Автор, в отличие от выдуманных мертвецов, оказывается способен вспомнить свою смерть. Но ответить на вопрос "зачем?" не в силах.

А в самом деле - зачем?

"Он же убивает себя в каждом новом рассказе. Чем, по-твоему, это все должно было кончиться?"

"Что-то страшное случилось там", говорила девочка, дочка мельника из первой главы.

И колдун видит ее. Она совершенно не изменилась - почему?

Далее начинается история с вечным невозвращением.

Здесь можно вспомнить два произведения мировой литературы, и оба они упоминаются в контексте. "Путешествие в Икстлан" К.Кастанеды и "Москва-Петушки" В.Ерофеева. Искушенным читателям можно посоветовать еще обратиться к эссе В.Пелевина "Икстлан-Петушки", в котором суммируется "невозвращательный эффект" двух сходных текстов.

"Мертвые не приходят. Ушедшие не возвращаются назад. Прошлое не повторяется. Будущего еще нет. И лишь в воспоминаниях время вечно" - пишет Е. Боушев. Вернуться в прошлое невозможно, продолжить начатое – тоже. Единожды

принятое решение будет сопровождать человека всю жизнь. Или всю смерть, если вспомнить о "самоубийстве бога". Колдун чувствует ответственность за судьбу дочери мельника, но уже ничем не может ей помочь. Он обрел свободу сам и обрек на свободу тех, кто не был для нее создан. Что тут можно еще сделать?

Сказка оборачивается кошмаром, время подходит к концу и замыкается. И тогда, чтобы вырваться из этого бесконечного повторения, вечного невозвращения, Колдун совершает единственно верный поступок – этакую сюжетную рокировку. Он отдает девочке свою шляпу. Свою колдовскую силу. Свою способность творить, любить, думать.

Отвлечемся и немного расшифруем поток на первый взгляд бессмысленных фраз, следующих в контексте перед этим судьбоносным решением. Читатели смогут, поняв их генезис, провести более глубокие параллели, что уже выходит за рамки данной статьи.

> Ног нет. Ноги ушли, я их не чувствую. – (Е. Боушев. «Вьюга»)
> Бог - это любовь. – (Е. Боушев. «Дневники»)
> ...Что-то страшное случилось там. – (Е. Боушев. «Grimoire»)
> Свобода - это всегда одиночество. – (Е. Боушев, там же)
> ...Временами к нему приходила зима. – (Е. Боушев. «ЖЗЛ – вторая половина XXII века»)
> Я буду надеяться - мне так легче... – (Е. Боушев. «Дневники»)
> Для Хенаро это Икстлан, для тебя это будет Лос-Анджелес, для меня... *(К.Кастанеда. «Путешествие в Икстлан»)*
> Птица будет петь...
> Внутри.
> *(Последние две строки – оригинальный текст, перефразируется эпиграф к третьей главе)*

Дочка мельника обрела свободу. Колдун умирает. Но в последние секунды агонии осознает и принимает всю трагичность своего решения: ничто не властно перед замкнутым временем. Никакая смерть не остановит мятежное сердце, желающее творить, любить и рваться на части. Дочка мельника, сам колдун, кто-то еще, кому впоследствии перейдет шляпа

волшебника – кто-то обязательно будет хотеть невозможного и пытаться вернуться туда, куда вернуться нельзя. Потому что начало – это конец, а с конца-то все и началось.

…представить только, что когда-нибудь повторится все пережитое нами и что само повторение станет повторяться до бесконечности!

Милан Кундера. "Невыносимая легкость бытия"